

Томилова Надежда Анатольевна

ДЕРВИШ КАК УЧИТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ СУХБАТА АФЛАТУНИ "ГЛИНЯНЫЕ БУКВЫ, ПЛЫВУЩИЕ ЯБЛОКИ"

На материале повести Сухбата Афлатуни "Глиняные буквы, плывущие яблоки" рассмотрен образ дервиша в современной русской литературе. Двойником дервиша в повести является молодой Учитель, Учитель с большой буквы, с появлением которого у жителей села появляется новое знание и долгожданная вода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 200-202. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

15. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: пространство и время; вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
16. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 25-36.
17. Шорские героические сказания / под ред. А. И. Чудоякова. М. – Новосибирск: Наука, 1998. 462 с.

**ONOMASTICS AS INTERTEXTUALITY MARKER
(BY EXAMPLE OF SHOR EPIC NAMES)**

Denis Mikhailovich Tokmashev, Ph. D. in Philology
Department of English Language and Teaching Technique
Kuzbas State Pedagogical Academy
kogutei@yandex.ru

The author analyzes the anthroponomy of the Shors' heroic epos - one of the indigenous Turkic-speaking peoples of Southern Siberia - from the perspective of intertextuality, considers the phenomenon of intertextuality in folklore, and by the example of the Shor heroic epos characters' proper names reveals the metaphorical potential of folklore "nomina propria", their connection with ancient Turkic anthroponymics.

Key words and phrases: Turkic languages; Shor language; onomastics; intertextuality; picture of the world; folklore.

УДК 821.161.1

Филологические науки

На материале повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» рассмотрен образ дервиша в современной русской литературе. Двойником дервиша в повести является молодой Учитель, Учитель с большой буквы, с появлением которого у жителей села появляется новое знание и долгожданная вода.

Ключевые слова и фразы: Сухбат Афлатуни; современная литература; дервиш; учитель; Мессия.

Надежда Анатольевна Томилова

Кафедра русской и зарубежной литературы и методики
Московский гуманитарный педагогический институт
Denisova09@mail.ru

**ДЕРВИШ КАК УЧИТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ СУХБАТА АФЛАТУНИ
«ГЛИНЯНЫЕ БУКВЫ, ПЛЫВУЩИЕ ЯБЛОКИ»[©]**

Молодой писатель из Ташкента, кандидат философских наук Евгений Абдуллаев, более известный под псевдонимом *Сухбат Афлатуни* (что значит «Диалоги Платона»), является признанным автором: лауреат премии журнала «Октябрь» (2004), победитель литературного конкурса «Русская премия» («Ташкентский роман», 2006; «Год барана», 2011), призер российской Независимой премии в сфере искусств «Триумф» (2007) и др.

В данной статье детально остановимся на повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки». Один из ключевых персонажей повести – дервиш. Главного героя повести, учителя, современные жители среднеазиатской деревни сопоставляют с дервишем, когда-то приходившим к ним, – он принес чудесные буквы, зашифрованные в стенах древней бани, и предсказал приход пресной воды.

История мифического дервиша, объясняющая постройку бани в безводной местности, становится историей об умирающем страннике, учителя, и его возвращении, своего рода трансформацией истории жертвоприношения: «...дервиш пришел, волосы до колена болтаются, попробовал воду и выплюнул: “Люди, для мечети она не подходящая”. Люди говорят: “Поняли, не плюйся. Говори, для чего подходящая?”. Он своими святыми мозгами подумал, говорит: “Для бани подходящая. Грязь смывать, сопли разные с тела. Раз в год, в такой-то день. А пока я не вернусь, воду, которая оттуда идти будет, не пейте”. “Так-так, – сказали люди. – А когда ты вернешься, о волосатый?”. “Не знаю... Когда с безоблачного неба дождь пойдет, и когда сухая земля воду родит. А теперь меня убейте”. “Как же ты вернешься, если мы тебя уьем?”. Его еще поотговаривали немного: давай, мол, постригись и у нас жить оставайся. Потом убили. Неудобно гостю отказывать» [1, с. 25].

«Архетип героя – дервиша/учителя – мифологический культурный герой, существует в циклическом времени мифа: он уходит, чтобы вновь возвратиться, – пишет Э. Ф. Шафранская. – Инакость учителя... – органичное качество дервиша...» [2, с. 380]. «Нос у него был прямой. С такими носами, действительно, в дождь неудобно. И тут его, чужака, увидел Золото. Испугавшись, бросился домой. Его крик просачивался

сквозь глиняные стены: “Отец, отец, там чужой пришел!”» [1, с. 4]; «Говорят, у него светлые волосы» [Там же, с. 5]; «Чужой человек с чужими мыслями» [Там же, с. 34].

Дервиш, по мифологическим представлениям, обладает даром предвидеть и постигать прошлое – так и учитель у Сухбата Афлатуни: он представил, каким ребенком мог быть Председатель, представил его мать, но отца представить никак не смог, т.к. природа отца нечеловеческая: его «отец» был саранчой (*саранча* – слово собирательное, не персонифицированное). Инакость, или странность, нового учителя в глазах жителей деревни состояла еще и в том, что он с палкой не ходит, как Старый Учитель, Лермонтовым не угрожает, а водит детей заниматься непривычными для сельчан делами: «“Там красиво было”. “Птицу слушали”. “Дерево нашли. Смотрели, как на нем яблоко растет”. “Куда же вы ходили?”. “Учитель знает”» [Там же, с. 35], – говорят дети, которых необычно, странно обучает новый учитель. Такой опасен: «И дом может поджечь, и алфавит какой-нибудь придумать, и даже...» [Там же, с. 36]. Инакость учителя также в духовной чистоте («Зачем ты это рассказываешь? Грязь это» [Там же, с. 41]), в аскетизме (спит на железной койке, закаляет себя). Толпа не прощает инакости, в чем бы она ни выражалась [2, с. 380]: Учитель «был посажен задом наперед на паршивого ишака; рот Учителя был завязан, на груди болталась фанерка с буквами проклятого алфавита. Руки его тоже были связаны за спиной, на лице были ушибы» [1, с. 52].

В пересказе простодушным рассказчиком (субъектом повествования в повести Сухбата Афлатуни) этой истории отражаются базовые антитезы, свойственные мировоззрению жителей деревни: длинноволосый дервиш противопоставит «нормальным» людям; вода бывает питьевой и не подходящей для питья. Антитезы «пришлых» (учителя, библиотекаря и др.) и «своих», соленой и питьевой, грязной и чистой воды проходят через весь текст повести. И сама повесть становится аллегорическим рассказом о втором пришествии, об обретении воды.

Молодой учитель, подобно дервишу, приходит с радостной вестью, приносит новое откровение; он также не признан и почти казнен ополчившейся на него легковой деревней: «Все село считает тебя колдуном, и достаточно одной маленькой спички, чтобы люди увидели в тебе главное зло и виновника их проклятой жизни» [Там же, с. 51]. Именно с приходом нового учителя исполняется пророчество: приходит дождь, и приходит вода.

Ситуация с просьбой дервиша о собственном убийстве выглядит трагикомической, однако на поверку оказывается классическим сюжетом убийства пророка и Мессии. Выясняется, что путник, известный суфийский святой, не просил жителей убить его. Убийство было совершено самими жителями деревни, так же как убивают они или доводят до смерти всех непохожих на них, всех пришлых. Потом из памяти жителей деревни это убийство благополучно вытеснено: «Тот дервиш сам просил себя убить! Его не хотели убивать, сам попросился... Муса горько засмеялся: – Сам попросил, да? Да вы – вы если Учителя сейчас убьете, тоже потом скажете: не знаем, не видели, сам попросил!» [Там же, с. 54]. Косность наивных и консервативных жителей деревни проявляется в их неприятии нового и подверженности глупым суевериям, а также в страхе перед начальством – Председателем, Участковым.

Свойственное стилю Сухбата Афлатуни смешение трагического и комического, притчевого и бытового подчеркивает двойственность ситуации. Несмотря на то, что жители деревни убивают странного пришельца-пророка, они продолжают верить в чудо. И дальнейшая жизнь деревни – подспудное ожидание возвращения дервиша, святого безумца, что принесет им воду, которую можно пить. Дервиш оказывается прямым предшественником учителя, который ищет буквы: «...в летописи написано, что этому дервишу ангел во сне новые буквы сообщил и сказал сюда их принести – буквы счастья. И баню сказал здесь построить. А наши темные предки подвергли этого святого дервиша тяжелой смерти! Да еще лгать стали, что святой сам того хотел!» [Там же, с. 55].

Новый учитель, Ариф (в суфизме букв. – «познавший», обладатель мистического знания), пришел в деревню с дождем, и дождь наполняет чистое небо после спасения учителя от несправедного наказания. Когда учитель приходит в деревню, он видит красноречивые свидетельства жажды людей: «...он сделал несколько шагов, удивленно обходя чайники, ведра и кастрюли, которыми было заставлено все пространство. Люди ловили в них дождь» [Там же, с. 4]. Дождь оказывается символом духовного обогащения, открытия нового: «...я заметил – после дождя разговаривать бывает трудно» [Там же, с. 5]. Жажда жителей деревни оказывается духовной жаждой: недаром учитель тайно уводит детей, кормит и поит их на свои деньги. Таким же духовным значением обладает вода и за пределами села, у могилы святого: волшебный колодец, к которому ходили Муса с женой, дает столько воды, насколько духовно богат человек: «И насколько ты хороший человек, настолько ведро полное» [Там же, с. 44].

Утоление жажды физической является аллегорией утоления жажды духовной – стремления к познанию, к открытию новых горизонтов. «Безводный ад» [Там же, с. 45] реализуется в жизни; это не только природное явление, но и символ косности деревенских жителей, готовых казнить учителя только за то, что он преподает детям «буквы проклятого алфавита» [Там же, с. 52] – неясного для жителей деревни знания, которого они смутно опасаются, как и всего остального: воли Председателя, женской красоты или свободы. Учитель же, напротив, подобно доверчивому дервишу, воспринимает жителей деревни с самой лучшей стороны: он видит в них страдальцев, «святых».

Антагонистом учителя в повести становится Председатель, претендующий на учительство совсем другого размаха: «Этот парень, как его, Ариф... он детей-подростков учит, а я – я вас учу, вас воспитываю, вам светлый путь показываю... Или я вам в плохое место светлый путь указываю? Я – Учитель, а? “Учитель... Учитель...”», – пыльным эхом откликнулись ходоки... – Почему тогда, – снова включился на полную громкость

Председатель, – не живете по моему учению?» [Там же, с. 37]. И люди села, действительно, живут по учению Председателя, хотя и сочувствуют учителю: перед тем как его казнить, по ироническому замечанию рассказчика, в толпе «были, конечно, и сочувствующие Учителю голоса. Но эти голоса молчали» [Там же, с. 53].

Косность приводит к суеверию и подозрительности: учителя, который преподает детям невиданные древние буквы и угощает детей, обвиняют в колдовстве. Образ учителя, который усажен задом наперед на паршивого ишака, с завязанным ртом, с фанеркой, на которой начертаны буквы «проклятого алфавита» [Там же, с. 52], на груди, со связанными руками и следами побоев, является прозрачной аллюзией к образу Христа перед казнью, осмеиваемого толпой. Подобных аллюзий в повести немало, причем не только к евангельскому образу, но и к булгаковскому Иешуа. Подобно Иешуа, он не чудотворец и очень наивен: называет жителей деревни «святыми» и представляет их в виде детей (ср.: «Будьте как дети...» в проповеди Христа). Очевидно, что общая ситуация инакости, сумасшествия, унижения объединяет учителя и с дервишем, и с унижаемым Мессией. Он называется «...лунный, ненормальный Учитель» [Там же, с. 42].

Бездетный Муса становится одним из людей, спасающих учителя от смерти; именно он, совершивший маленький хадж (паломничество) и реализовавший свою мечту, исполняет ритуальный танец, похожий на молитвенный танец дервишей: «...он вдруг начал танцевать. Он подпрыгивал, он кружился. Пыль поднималась от его ног, и он танцевал в ее желтом облаке» [Там же, с. 49]. Муса, в отличие от всей толпы, становится на сторону учителя и рядом с ним; впоследствии к нему присоединяется Старый Учитель.

Несмотря на хронологическую принадлежность Сухбата Афлатуни к периоду постмодернизма, его произведения противостоят постмодернистской игре со смыслом. И принципом закономерной организации вселенной здесь становится алфавит. Чудесные «буквы счастья» [Там же, с. 55], завещанные дервишу, оказываются мистическим алфавитом древности, некогда открытым святым, а ныне доступным более всего детям: «...у детей глаза чище, они буквы отчетливее видят» [Там же, с. 42]. Этот алфавит – воплощенная молитва: «...он, если правильно от буквы к букве идти, в молитву складывается...» [Там же]. И когда дети, спасая учителя от казни, начинают петь алфавит, к ним невольно, в безудержной молитве присоединяются все остальные. Молитва их может быть только о дожде, и дождь проливается: «Дождь падал с безоблачного неба прозрачными плевками на все законы природы; летел и смешивался с солнцем... И хлынула вода. Прямо из земли... Вот уже все село было у воды; люди падали прямо на берегу и горячими глотками втягивали в себя влагу... Все смеялись. Смеялись и плакали» [Там же, с. 59–60].

Впоследствии дервиш появляется во сне двух бандитов в черном: «И вроде явился им во сне какой-то дервиш с длинными волосами и посоветовал про “ночь любви” и другие детские глупости забыть, а не то их какой-то “безводный ад” ожидает. И я, говорит дервиш, вас, как заступник, спасти не смогу. И такой убедительный сон оказался, что парни свое бандитское мировоззрение поменяли» [Там же, с. 62]. Учитель исчезает из жизни деревни, подхваченный волной дальнейшего поиска: «Как будто его водой от нас смыло» [Там же, с. 61]. Выполнив сюжетную роль, он мистическим образом, найдя буквы древнего алфавита, помог селу вновь обрести воду.

Следует отметить важную сюжетную параллель между образами дервиша-учителя и образом Христа. Подобно Христу, дервиш предсказывает свое второе пришествие, связывая с ним возвращение воды; учитель, таким образом, является «дервишем второго пришествия»; он, как и Христос после суда, осмеян толпой, но он творит чудо и все-таки возвращает воду в село, доказавшее ему свою преданность.

Обобщая все сказанное, отметим, что автор в повести «Глиняные буквы, плывущие яблоки» вводит образ дервиша в сложное сплетение культурных мотивов, раскрывая значение дервиша как мудреца, учителя, обогащенного русской культурой, и проводя образную параллель с христианским Мессией. Дервиш, являющийся впоследствии во сне как воспитатель, становится в повести архетипом учителя, наставника, мудреца. Он может быть убит, но не забыт, и дело его не умирает.

Список литературы

1. Сухбат Афлатуни. Глиняные буквы, плывущие яблоки: повесть-притча // Октябрь. 2006. № 9. С. 3–63.
2. Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: дисс. ... д. филол. наук. М., 2008. 481 с.

DERVISH AS TEACHER IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE: BY THE EXAMPLE OF THE STORY “CLAY LETTERS, FLOATING APPLES” BY SUHBAT AFLATUNI

Nadezhda Anatol'evna Tomilova

*Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Technique
Moscow Classical Pedagogical Institute
Denisova09@mail.ru*

The author considers the image of dervish in the contemporary Russian literature by the material of the story “Clay Letters, Floating Apples” by Suhbat Aflatuni. Dervish’s lookalike in the story is a young Teacher, the Teacher with a capital letter, with whose appearance the inhabitants of the village acquire new knowledge and long-expected water.

Key words and phrases: Suhbat Aflatuni; contemporary literature; dervish; teacher; Messiah.